

Войнович

Читайте в серии:

Жизнь и необычайные приключения
солдата Ивана Чонкина

Книга 1. Лицо неприкосновенное

Книга 2. Лицо привлеченное

Книга 3. Перемещенное лицо

Полное издание трилогии

•

Трибунал

*Брачная комедия,
судебная комедия и водевиль*

•

Москва 2042

•

Монументальная пропаганда

•

Замысел

•

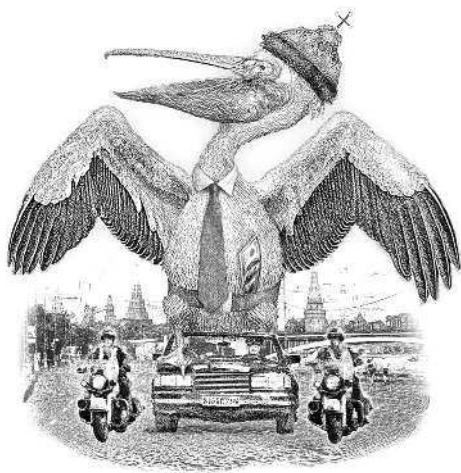
Путем взаимной переписки

•

Малиновый пеликан

Войковичи

Малиновский Пелликан

Москва
2016

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В61

Разработка серии *Ф. Барбышева, А. Саукова*

Иллюстрация на обложке *Ф. Барбышева*

Фотография на обложке *В. Плотникова*

Войнович, Владимир Николаевич.
В61 Малиновый пеликан / Владимир Войнович. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 352 с. — (Классическая проза Владимира Войновича).

ISBN 978-5-699-88321-9

Император Николай I во время представления «Ревизора» хлопал и много смеялся, а выходя из ложи, сказал: «Ну, песка! Всем досталось, а мне — более всех!» Об этом эпизоде знает каждый школяр. Всякий, считающий себя умным, прочитав «Малинового пеликана» В. Войновича, много смеяться не будет, но скажет: «Ну, роман! Всем досталось, а мне — более всех!» И может быть, после этого в российской жизни действительно что-то изменится к лучшему.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-88321-9

© Войнович В., 2016
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

КЛЕЩ

Был в лесу. Собирал грибы. Вернулся домой, поел, поспал, посмотрел телевизор, вечером на животе справа что-то засвербило. Почесал, забыл, опять засвербило, напомнило. Около полуночи, отходя ко сну, решил поглядеть в зеркало. Батюшки! Круглое пятно сантиметров на пять в диаметре вроде трехцветной красно-оранжево-желтой мишени, и прямо «в десятке» — черная жирная точка. Пригляделся — точка-то живая, лапками шевелит. Клещ!

Будучи наслышан о неприятностях от встречи с этим паразитом, о вероятных фатальных последствиях с летальным исходом, я полез в Интернет и тут же обогатился многими устрашающими знаниями о клещевом энцефалите и болезни Лайма (она же боррелиоз — не путать с композитором Берлиозом и его булгаковским однофамильцем). Помимо этих двух, о которых слышали все, есть бабезиоз, риккетсиоз, гранулоцитарный анаплазмоз, моноцитарный эрлихиоз и еще всякая дрянь. Но к себе я примерил, как самые страшные, первые две (напоминаю): энцефалит и боррелиоз. Ознакомился с симптомами: сильная головная боль, рвота, светобоязнь, температура до сорока,

и это только начало. В другом случае на пути к летальному пределу могут наблюдаться лихорадка, гиперемия зева, склер, кожных покровов, диспепсические расстройства, парезы и параличи шеи, верхних конечностей, свисание головы на грудь. Я, признаюсь, человек мнительный. Когда слышу о возможности каких-то симптомов, немедленно их замечаю. Если кто-то говорит, что у меня необычно красное лицо и не признак ли это повышенного давления, оно, давление, немедленно у меня поднимается до предполагаемого уровня. Или опускается, если заподозрить, что оно пониженное. Попробуйте скажите при мне что-нибудь про эпидемию гриппа, и мой организм сразу откликнется кашлем, чихом и подскоком температуры. Сейчас, если я не обнаружил у себя признаков гиперемии зева и склер и диспепсического расстройства, то только потому, что не понял, что это значит. Если бы понял, они были бы тут как тут. А вот света, мне показалось, в доме слишком много, и свисание головы на грудь — это со мной сразу случилось. Едва я эту гадость увидел, так она, голова то есть, сразу и свисла. Углубляться дальше в симптомы я не стал, перешел к инструкции, как от незваного гостя избавиться. Способ вроде простой. Приложить ватку с постным маслом, подержать минут пятнадцать, паразит начнет задыхаться и полезет наружу. Я приложил. Через пятнадцать минут он не вылез. И через тридцать и через сорок оставался, где был. Выносливый оказался. Может быть, даже чемпион среди клещей по выносливости, достойный занесения в Книгу рекордов Гиннеса.

Между прочим, чтоб вы представляли себе, хотя бы в общих чертах, хронологию, уточню, что история эта с клещом завершилась на днях, а началась... Черт ее знает, когда она началась, тогда еще, когда все у нас было тихо-мирно, страна готовилась к грядущей Олимпиаде, мы медленно, с хрустом в суставах, разгибали колени, поддерживали добрые коммерческие отношения с соседними враждебными братскими странами и легко размещались на завоеванных ранее территориях. Если бы я мог предвидеть, что случится позднее, то, вероятно, писать про мелкого насекомого не стал бы, но время было еще мирное, без заметных событий и потому скучное, так что даже замыслы сколько-нибудь острые в голову никому не приходили и вся литература чахла ввиду практического отсутствия сюжетов. Скажу больше, в описываемое время жизнь казалась настолько благополучной, что потребность в мало-мальски серьезной литературе совершенно отпала. Несчастливы люди, которые всегда счастливы. И несчастливы писатели, которые живут среди счастливых людей. А сатирики тем более. Я допускаю, что если бы Салтыков-Щедрин воскрес и пожил немного среди нас, тогда еще относительно счастливых, то, осмотревшись и не найдя ничего интересного, он охотно вернулся бы в тот мир, в котором уже обвыкся. Я тоже в ту пору не видел вокруг себя никаких достойных тем и по этой причине сосредоточился на этом злосчастном клеще, имея то оправдание, что он хоть и маленький, но беспокойство причинил мне заметное. Тем более что само по себе событие внедрения его в мое тело стало для меня редким

в последнее время физическим соприкосновением с реальной жизнью.

Дело в том, что, когда мне было лет намного меньше, чем сейчас, я вел подвижный образ жизни. Зимой жил в городе, летом в деревне, много ездил по России, бывал на заводах, в колхозах, бродил по тайге с геологической партией, наблюдал работу золотоискателей на Колыме, плавал в Охотском море на дырявом рыболовном сейнере, побывал в Антарктиде и вообще слыл одним из первых знатоков российской действительности. Но настал момент — от жизни, как говорят, оторвался.

Возраст, лень, болезни, угасание энергии, интереса к путешествиям, людям и географии, а также оскудение материального фактора привели к тому, что я стал домоседом.

Сижу на даче. В город выезжаю редко, в случаях крайней необходимости. Практически ни с кем не общаюсь, кроме жены, домработницы Шуры и совсем уж редко с кем-нибудь из соседей, когда выхожу прогулять собаку. Когда-то я думал, что запаса накопленных мною жизненных впечатлений мне для моих писаний на всю жизнь хватит, но запас оказался не столь объемным, как я ожидал, а жизнь получилась длиннее, чем я рассчитывал, и вдруг настал день, когда я, державший в голове сотни сюжетов, вдруг обнаружил, что просто не знаю, о чем писать. Потому что замкнулся дома, не хожу даже в магазин и не знаю, что почем. Сотни человеческих историй, которые знал, из памяти утекли, тысячи впечатлений потускнели, а новым взяться откуда? Из телевизора. Днем как-то работаю, а вечером сижу перед «ящиком», и все свежие

знания у меня из него. Так же, как у моей высокообразованной жены и домработницы, не осилившей семилетку. Все мы знаем всё про Галкина, Пугачеву, Киркорова, Малахова, Безрукова, Хабенского и прочих телеведущих, певцов, сериальных актеров, олигархов, их жен и любовниц. Кто с кем женился, развелся, купил дом на Лазурном Берегу или арестован за кражу в особо крупном размере. И не только я не знаю теперешней реальной жизни. Ее не знает никто. Раньше неизменной приметой городского пейзажа были бабушки, которые сидели на лавочках перед домом, замечали всех входивших и выходивших и обсуждали соседей, кто что купил, в чем одет, кто пьет, бьет жену, чью жену, когда муж в командировке, посещает любовник. Теперь такое ощущение, что ни у кого в стране собственной жизни нет, все сидят перед «ящиком», следят за судьбами героев мыльных опер, завидуют их удачам, сочувствуют неудачам и переживают за них больше, чем за себя. Вот и я, как и большинство моих сограждан, сижу вечерами, тупо уставившись в ящик, живу в нем, жил бы и дальше, если бы не этот проклятый клещ.

В половине второго ночи я разбудил и позвал на помощь Варвару, жену. Говорю: давай, помогай, вытаскивай. Она ничего подобного в жизни не делала, и по телевизору в медицинской передаче доктора Гольшевой ей не показывали. Взяла пинцет, надела очки, руки дрожат, как будто ей предстоит не удаление мелкого насекомого, а полостная операция. При том что она не только медицинского образования не имеет, но от капли крови, взятой на анализ из пальца, падает в обморок. Так вот она тыкала, тыкала

в эту тварь пинцетом, потом я сам в нее тыкал, а она как была там, так и осталась, хотя, надеюсь, мы ей какие-то неудобства все-таки причинили. Вроде тех мужиков из анекдота, которые по просьбе соседки пытались зарезать свинью и в конце концов зарезать не зарезали, но отлупили от души.

Подняли с постели Шуру, но она и вовсе. Как глянула, так руки воздела:

— Не-не-не.

Я спрашиваю;

— Что не-не-не?

— Я его боюсь.

— Кого его?

— Да этого. — Она, не опуская рук, глазами мне на него указывает.

Я говорю ей:

— Да чего ж ты его боишься? Ты ж в деревне жила, курам небось головы рубила?

— Курам, — соглашается, — рубила. А это ж не курица, это же это...

А что «это» — сформулировать не может, но ясно, что-то ужасное.

После Шуры проснулся спавший в прихожей на коврик Федор и вошел в комнату, широко зевая и покачивая лохматой головой. Внимательно нас всех оглядел, не понимая, чем вызван столь поздний переполох, ничего не понял, вспрыгнул на диван, вытянулся во всю длину, положил морду на передние лапы и стал ожидать, что будет дальше. Федор — это наш эрдельтерьер, недавно отметивший свое шестилетие.

Отстранив женщин от дела, я сам взялся за пинцет, но опять действовал неловко и ничего не до-

бился, разве что вмял насекомое в себя еще глубже, чем оно сидело до этого. Пока я трудился, Варвара набралась смелости и разбудила по телефону знакомого доктора. Тот, зевая в трубку, сказал, что раз мы этого клеща сразу не вытащили, дальнейшее можно доверить только специалистам. Потому что если неспециалист оставит во мне хотя бы мелкую часть этой пакости, от нее можно ожидать самых печальных последствий, вплоть до упомянутых выше. А дело происходит в ночь с субботы на воскресенье. Это у нас с Варварой всегда такое везенье: все неприятности случаются именно в ночь с субботы на воскресенье, когда никто нигде не работает, а знакомые врачи выключают свои мобильные телефоны и пьют: терапевты — принесенный с работы спирт, а хирурги — подаренный пациентами французский коньяк. Варвара говорит, надо вызывать «Скорую». Я попробовал возразить, но потом согласился условно, предполагая, что «Скорая» из-за клеща не поедет, но может дать полезный совет. Обычно, сколько я слышал, эта самая «Скорая», прежде чем выедет, задаст вам сто вопросов по делу и бессмысленных, что болит, где и как, холодеют ли ноги, синеют ли руки и сколько больному лет, в том смысле, что, может, пожил и хватит, стоит ли ради него зря жечь бензин, да и на пенсии государство уже перетратилось.

НЕМНОГО О СЕБЕ И НЕ ТОЛЬКО

Если вы ничего не знаете обо мне, я вам кое-что расскажу. Меня зовут Петр Ильич Смородин, это мой псевдоним, а настоящую мою фамилию Прокопович знают немногие. Среди них наша почтальонша Заира, которая в начале каждого месяца приносит мне пенсию, и кассирша «Аэрофлота» Людмила Сергеевна, у которой я раньше покупал билеты в Берлин, куда летал к своему сыну Даниле. Много лет я пользовался ее услугами, расплачиваясь дополнительно своими книжками и набором конфет, а теперь покупаю билеты онлайн. К моему возрасту люди обычно тупеют и новыми технологиями овладевают с трудом, но я себя считаю пользователем компьютера, как говорится, продвинутым. Лет тридцать с лишним тому назад в Америке я купил свой первый Макинтош, он назывался Мак-плюс (экран размером с сигаретную пачку), и с тех пор силюсь идти в ногу со временем, чем вызываю презрение моего соседа по даче, одного из последних ископаемых деревенщиков моего поколения Тимофея Семигудилова, фамилию которого его же соратники слегка переименовывают, заменяя букву «г» другой, с которой начинается слово «мама». Тимоха считает, что настоящий пи-

сатель должен писать только «перышком», имея в виду шариковую ручку. Своей дремучестью он весьма гордится и уверен, что только пишущий от руки может считать себя хоть в какой-то мере принадлежащим к настоящей русской литературе. Достижения Пушкина и Тургенева объясняет тем, что они писали гусиным пером, а на компьютере ни «Евгения Онегина», ни «Бежин луг», по его разумению, не напишешь. Ко всем этим рассуждениям добавляет, что через компьютер идут флюиды (почему флюиды?) от дьявола, а у пишущего «перышком» есть прямой контакт с Богом, хотя у него самого, я подозреваю, если был контакт с чем-то далеким, то через коммутатор, установленный на Лубянке. Что же до компьютера, то я думаю, что и Пушкин, и Тургенев охотно бы им овладели, но в любом случае техническая тупость еще не признак литературного таланта, что опыт нашего деревенщика как раз и подтверждает. Он пишет тяжело, неуклюжим языком. Прошел большой путь. Был когда-то образцовым советским писателем. Писал о преуспевающих колхозах и считался средней руки очеркистом. Тридцать лет был членом КПСС и половину этого времени секретарем партийной организации. Всегда демонстрировал бесконечную преданность советской власти, за которую, как говорил, готов отдать свою жизнь и задушить любого, кто был о ней не очень хорошего мнения. Будучи еще, как и я, студентом Литинститута, принял участие в травле Пастернака. И тем обратил на себя внимание власти. В семидесятые годы выискивал среди собратьев по перу инакомыслящих, охотно участвовал в гонениях на них и был весьма крово-

жаден. В восьмидесятых, почувствовав, куда ветер дует, переqualифицировался в деревенщики, стал писать повести о коллективизации и разорении большевиками русской деревни, тогда советская власть подобное вольнодумство уже допускала. Большевики у него были сплошь с фамилиями, намекавшими на их еврейское происхождение. Писал по-прежнему неуклюже, но, как тогда многим казалось, остро, чем снискал временную репутацию правдолюбца и даже скрытого антисоветчика. Но когда советская власть зашаталась, очень рьяно ее защищал, показав тем самым, что ему, как говорил Бенедикт Сарнов, в литературе без поддержки армии, флота и КГБ делать нечего. В девяностые, которые он называет лихими, ненадолго притих, съезжился, где-то кому-то шепотом объяснял, что всегда втайне был либералом, и в доказательство где-то что-то цитировал из своих антиколхозных опусов, но при передаче управления страной (вместе с ядерным чемоданчиком) нашему сегодняшнему Перлигосу (Первому лицу государства) воспрянул духом, объявил себя православным патриотом и теперь яростно клеймит американцев и либералов, восхищается достоинствами Держателя чемоданчика и, по всем признакам, помешался на мечте о православно-державном величии. И в его больной голове каким-то образом сочетаются представления о том, что страна, стараниями заокеанских политиков и наших либералов, лежит в руинах, но и одновременно поднимается с колен, возрождается из пепла и еще покажет всему миру кузькину мать.

Когда-то Твардовский, с которым я был в молодости знаком, говорил, что человеку называть себя самого писателем нескромно, потому что звание «писатель» предполагает наличие в человеке специфических незаурядных способностей, которые в совокупности называются талантом. И в самом деле, в прежние времена тот круг людей, которых называют читающей публикой, так и воспринимали писателя, как существо, наделенное необыкновенным и даже сверхъестественным даром проникать в душу человека, понимать его стремления, переживания, страдания, тайные побуждения и все такое. Но теперь это все ушло в прошлое и писателем называют чуть ли ни каждого, кто пишет дешевые детективы, душещипательные простенькие истории и даже какие-нибудь брошюрки, конспекты политических речей, рекламные тексты. Все они писатели. Поэтому теперь я, прикладывая к себе это звание, ни малейшего смущения не испытываю. Да и как представлять мне себя, написавшего двенадцать романов, шесть сценариев, четыре пьесы и сотни мелких литературных текстов? Я член Союза писателей, член Пен-клуба, член еще каких-то жюри, комитетов, редсоветов и редколлегий, где чаще всего просто числюсь в качестве свадебного генерала без всяких обязанностей и вознаграждений. Кроме того, состою в двух иностранных академиях, являюсь почетным доктором трех университетов и лауреатом десятка премий. Теперь меня почитают, называют иногда даже классиком, и романы мои в книжных магазинах стоят в разделе «Классическая литература». Но было время, когда я считался диссидентом, отще-